

К полярному кругу

В № 94 «Русских Ведомостей» находим весьма интересное описание пути от Якутска до Средне-Колымска.

Путешественники выехали из Якутска 21-го марта, стояла ещё полная зима и 900 вёрст до Верхоянска удалось проехать довольно хорошо на лошадях и оленях. «В этих местах попадаете ещё человеческое жильё, одинокие юрты, заброшенные среди тайги. Когда вы попадаете вовнутрь, вас невольно тошнит, потому что тут же находится и хотон (хлев); под ногами чувствуется зыбкая почва коровьего навоза и слышится одуряющая вонь. Первое время вы едва различаете предметы, так как в льдине, вставленной в единственном окне, от приближения весны образовались проталины, заткнутые куском зайчины, и кругом царить полутьма; понемногу глаз привыкает, и вы видите, что попали в хлев, в котором удобно разместилось несколько коров. За Алданом кончаются и эти признаки населения и начинается совершенная пустыня. Станции отстоят друг от друга на расстоянии 150-250 вёрст и представляют собою юрты, заброшенные среди бесконечной тайги. В каждой из них живёт якут или, как здесь их называют, «джагабул». Но возле станции нет оленей: они пасутся верстах в 10 в тайге или в гольцах (горах) и за ними отправляются сыргачи (ямщики)». Весьма трудную часть пути составляет перевал через Верхоянский хребет. «Приходится перебираться через почти отвесную гряду гор, и мы поползли пешком. Несмотря на холод, от ходьбы стало так жарко, что пришлось снять шубы, шапки, распахнуть сюртуки. Пройдя с ½ версты, дорога разделяется: одна идёт по почти отвесной стене — это оленья; другая вьётся зигзагами, — это летняя конская. Мы выбрали первую. И натерпелись же мы на ней! Нога скользила по гладкой, замёрзшей поверхности; в некоторых местах приходилось вырубать в снегу ступеньки, и было страшно оглянуться, потому что пройденное пространство казалось падающим отвесно в глубокую пропасть, от которой кружилась голова. Наконец, после трёхчасового восхождения, мы добрались до вершины горы. Сзади нас ползли по крутизне олени тихими, но верными и привычными шагами. Это, однако, далеко не всё; нам пришлось испытать ещё большее. Представьте себе исполинскую гранитную стену, которая

вследствие каких-то причин наполовину рассыпалась и покрыла горный скат десятками тысяч саженных глыб, расположившихся как попало: одни торчат рёбрами, другие — громадными острыми иглами; далее несколько глыб тесно сблизились основаниями и выставили свои острые вершины или образовали исполинскую лестницу с 1½ аршинными кривыми ступенями; далее глубокие расселины, — а по камням и меж ними клубились, падали водопадами бесчисленные горные ручьи, не замерзающие даже в жестокие морозы. Вокруг всё заросло кустами можжевельника и тальника. Если вы прибавите к этому грозные, наклонившиеся глыбы на вершине горы — глыбы, которые вот-вот готовы оборваться, — то получите некоторое представление о дороге. Я не могу её описать: её нужно видеть. Шаг-за-шагом, вползая на острые рёбра камней на четвереньках, цепляясь за кустарники, больно хлеставшие по лицу, прыгая с камня на камень, скользя и рискуя при падении свернуть себе шею, таща коней в поводу, мы подвигались по этой адской дороге.

11-го апреля мы прибыли в Верхоянск. Этот «город» состоит из 8 бревенчатых изб без крыш и 15-18 юрт, разбросанных вокруг огромной, около версты длиною, лужи, носящей название Ис-байхал, что в переводе означает приблизительно «озеро экскрементов». За Верхоянском дорога явилась нам во всей «прелести». Несмотря на то, что стояла зима, олени были так плохи, что пускаться с ними в путь оказалось невысказано, и нам пришлось прибегнуть к единственному способу сообщения, т.е. выехать на лошадях верхами. Когда мы приехали на станцию Тыстах, в 300 верстах от Верхоянска, нам объявили приятную новость: на станции не было лошадей. «Когда-же они будут?» — «А кто его знает! — ответило единственное живое существо, бывшее на станции — старый якут, умиравший буквально от голода, так как не ел уже несколько дней, и страшно обрадовавшийся нашему приезду, — хозяин живёт в Верхоянске; он оставил меня здесь, провизия окончилась, а кругом на целых 70 вёрст нет ни одной юрты». Дело выходило скверное. Тогда мы заявили тому ямщику, который привёз нас, что едем на его лошадях до следующей станции, отстоящей на 270 вёрст. — Сёп (ладно), ответил он; но ночью, когда мы легли спать, он скрылся с лошадьми.

Ст. Тыстах — даже не жилое место, а поварня, одиноко стоящая в тайге, и нам пришлось просидеть в ней 21 день. На десятый день у нас вышел весь хлеб, большую часть которого украли наши казаки, и нам

оставалось питаться мясом, выведенным ещё из Якутска и от наступавшего тёплого времени начавшим сильно портиться. В течении этих трёх недель мы с утра до вечера занимались изучением языков, выучивая ежедневно слов по 100 и более. Наконец, на 22-й день, хозяин станка прислал нам лошадей. Это было 13-го мая. Наступали тёплые дни; снег начал таять; в воздухе раздавались непрерывные крики летевших на север диких гусей, уток, гагар. Ночи уже не было, хотя солнце закатывалось ещё на час, и одна заря встречалась с другою. Ещё несколько дней, и солнце, совсем перестало заходить: оно в 10 часов опускалось градуса на 3 над горизонтом, затем начинало подыматься и к полуночи стояло на севере градусов на 15 над горизонтом. Эти 270 вёрст я никогда не забуду. От Тыстаха дорога идёт всё время горным хребтом, составляющим водораздел между реками Яной и Индигиркой. На 450 вёрст, вплоть до станции Моранель, нет ни одного человеческого жилища. Дорога, без всяких преувеличений, ужасная. Я до сих пор вспоминаю о ней с содроганием. То кони продираются сквозь чащу тальника, причём ямщикам часто приходится пускать в дело топоры, то они идут по полураскисшему льду громадного озера, по которому горные речки разлились широкими зелёными потоками. Озеро со всех сторон сжато исполинскими, совершенно отвесными стенами». Что касается до города Средне-Колымска, то здесь, по словам автора, «нет ни полиции, ни войска в строгом смысле этого слова, ни острога, — всех этих необходимых атрибутов нашего обычного города. Эти учреждения здесь излишни, потому что жители много уже лет не запомнят ни одной кражи. Единственным средством пропитания для массы служить рыба; всё же остальное недоступно по своей дороговизне. Я приведу здесь маленький список цен на некоторые продукты: I пуд ржаной муки — 14 р., 1 п. крупчатой — 40 р., 1 п. масла топленного — 32 р., и 1 п. мяса — 3 р. 50 к. — 6 р., 1 п. рыбы — 1 р., 1 п. сала говяжьего (не вытопленного) — 20 р., 1 ч. стеариновых свечей 1 р. 25 к. - 1 р., 50 к., 1 ф. сальных — 1 р., I ф. мыла — 1 р., 1 ф. сахару — 1р., 1 кирпич чаю 2 р. 50 к. - 6 р., 1 арш. плохого ситцу — 50 к., 1 чашечка фаянсовая чайная — 1 р. 50 к., 1 ф. ржаных сухарей — 50 к., 1 сажень дров — 8 р. и т.д. По этим ценам продают местные купцы. Но чёрт не так страшен. Два раза в год в Средне-Колымск приезжают якуты на народное собрание (мунях). Дав им вперёд деньги, можно получить через них к этому времени некоторые продукты за значительно меньшую цену. Якуты продают мясо по 2 р. 50 к. - 3 р. пуд, дрова по 3-4 р.

сажень и хаях (род сгущённых сливок, из которых можно добывать масло) по 3 р. пуд. Из 1 пуда хаяху выходит фунтов 10 масла. Понятно, что от хлеба, сахара и других предметов, обычных в обиходе культурного человека, приходится отказаться, но зато рыбу, мясо, масло и дрова можно ещё иметь за недорогую сравнительно цену. Зимой чукчи пригоняют оленей, и тогда можно запастись олениной, в среднем по 1 р. 50 к. за пуд».

Автор не указан.

Заметка опубликована в газете «Восточное обозрение» №29 от 16 июля 1889 года.

OCR Андрей Дуглас, 2023